

Николаевича, сидящаго въ ней за столомъ, и изобразивъ всѣ подробности этого кабинета.

Къ вечернему чаю пришли три учителя яснополянской школы. Одинъ былъ Нѣмецъ, Келлеръ, привезенный Львомъ Николаевичемъ изъ-за границы, и двое Русскихъ.

На слѣдующее утро мы пошли въ другой флигель, гдѣ во второмъ этажѣ помѣщалась школа. Занятія еще не начинались. Наверху были свѣтлыя просторныя комнаты съ балкономъ и прекраснымъ открытымъ видомъ. Могла ли я тогда думать, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ буду пріѣзжать съ своей семьей на лѣто въ этотъ самый домъ!

Вечеромъ былъ устроенъ пикникъ въ огромномъ казенномъ лѣсу Засѣка, примыкающемъ къ ясно-полянской землѣ.

Къ крыльцу были поданы катки (родъ линейки), верховыя лошади и кабріолетъ, и мы всѣ, за исключеніемъ двухъ старушекъ, поѣхали въ Засѣку, куда заранѣе былъ отправленъ самоваръ со всѣми принадлежностями для чая. Лужайка въ лѣсу съ огромнымъ стогомъ сѣна была мѣстомъ нашего сборища.

Изъ сосѣдей пріѣхали семьи Ауэрбахъ и Маркова. У Ауэрбахъ была племянница С. П. Берхольдъ, впослѣдствіи замужемъ за А. А. Ауэрбахомъ, дѣвушка нашихъ лѣтъ, удивительно милая, съ которой сохранились добрыя отношенія и по сю пору. Она мнѣ рассказывала, какъ однажды они всѣ ѿхали со Львомъ Николаевичемъ въ каткахъ. Учитель, Густавъ